

утешение

16+

Алексей Бородкин

Алексей Бородкин

Утешение

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Бородкин А. П.

Утешение / А. П. Бородкин — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Поздняя осень 1944 года, деревенька в российской глубинке. В доме механизатора Рябина дорогие гости – два лейтенанта советской армии. Один из них (Камышин) передаёт отцу похоронку и признаётся, что это он убил их сына, своего однополчанина... В качестве обложки использована фотография с сайта Pexels.

Была поздняя осень. Фактически зима. Озимые давно отсеяли, и уже поднялись над землёй ростки в ладонь высоту. Когда прихватывал морозец, пастух выгонял на эти зеленыя телят.

Климент Петрович Рябин ездил с попуткой в район, за запчастями (работал механизатором в колхозе), вернулся поздно – к вечерней зорьке. В горнице обнаружил двух военных. Жена, Варвара, сидела в углу, под образами, перебирала руками платок. Было слышно, как тикают ходики, как скребётся под полом мышь.

Клим обвёл взглядом горницу:

– Мать! А что ж ты гостей голодом моришь?

Женщина поглядела на мужа, во взгляде читались стеснение и робость перед холёными офицерами.

– Что есть в печи, всё на стол мечи.

Хозяин протянул руку одному военному, второму. Промежду прочим глянул на погоны. Лейтенанты.

– Не имеете возражений отобедать с нами?

– Судя по времени – отужинать, – поправил чернявый. Он был среднего роста, худощав, с аккуратным пробором на голове. Усы носил узенькие, щёткой. Представился:

– Камышин Роман Александрович.

– Рябин, Климент Петрович. Будем знакомы.

– Полесников Денис Андреевич, – назвал себя второй лейтенант. Грузный крупный человек, белёсый и круглолицый. Он чуть тянул букву "о".

"С Поволжья, – сообразил хозяин. – Волгарь".

Между тем, хозяйка накрыла на стол. Картошка, огурцы, зелёный лук. Рядом солонка и маленькая плошка с постным маслом. Хлеб отдельно, вместе с ножом – хозяин порежет. В руках Варвара Филипповна держала бутылку с самогоном, сомневалась, ставить ли на стол.

– Погоди с этим, мать. Серьёзные люди у нас в гостях.

Клим положил на тарелку картофелину, придавил её ложкой. Окропил маслицем.

– По пути зашли, товарищи? Или дело какое ко мне имеете?

Чернявый Камышин сидел над пустой тарелкой, раздумывал. Полесников взял картофелину в руку, присыпал солью. Масла добавлять не стал, откусил так. Жевал с детским аппетитом – хозяйка заулыбалась.

Солнышко опустилось к земле, светило прямо в оконце. На столе загорелся квадрат с перекрестием. Тёплый, уютный. Хотелось положить ладонь и потрогать разогретые доски. Почувствовать доброе ласковое дерево.

Камышин расстегнул планшет, достал маленький розовый квадратик – сложенный вдвое клочок бумаги. Положил непосредственно перед хозяином. Климент Петрович накрыл этот квадратик ладонью, потянул к себе. В глазах его вспыхнул ужас. Безграничный панический ужас. На секунду мелькнула надежда, как вспышка, только она моментально угасла. Какая может быть надежда? Когда в доме два офицера, а под твоей ладонью розовая бумажка-похоронка. Только страх. И боль. И слышно, как часы отсчитывают время.

– Как это произошло? В бою?

Лицо Камышина исказила судорога, он потянул ворот. Пуговка затрещала, повисла на нитке.

– Это сделал я. Вашего сына убил я.

Варвара Филипповна вскинулась, закрыла руками рот. Рот готов был заголосить, но глаза! Глаза не верили. Не может быть! Эти двое – здесь. Вот они: красивые, здоровые, а главное – живые, так почему её Пашенька?.. Этого не может быть. Какая-то путаница... ошибка... путаница – кто-то ошибся. Правдивый яд ещё не отравил, ещё не проник в сознание: никогда, никогда она больше не увидит сына, потому, что его нет. Нигде и никак. Нигде. Никак.

Климент откашлялся, сунул похоронку под тарелку. Ему казалось, что пока не прочёл её – есть шанс. Или надежда. Или... как это назвать?

– Так... вот ведь оно как... – кулаки механически сжимались-разжимались. – Теперя, мать, ставь четверть. Нужно разобраться.

*

Ать-два.левой-правой. Не отставать! Шире шаг!

Глина липнет к сапогам – чвак-чвак. За шиворот льёт дождь. Плечо справа, плечо слева, тёмная спина впереди. Тяжелое дыхание в затылок. Не растягиваться! Держать строй!

Не шуметь! Все приказы – шепотом. От бойца к бойцу. Рота на чужой территории. Родная чужая земля.

Марш-бросок. Семь часов хода без передышки. Для чего? Удар с фланга.

Командир даёт знак остановиться. Проверить гранаты, оружие – к бою. На взгорье два крупнокалиберных пулемёта, за ними река и мост. Укрепления оцетинились стволами – мощно, нагло. На их стороне сила. На нашей – неожиданность.

Рассыпаться цепью! Со всех ног! Короткими перебежками! Молча! Вперёд!

Главное – добежать до вражеского окопа.

Пять шагов вперёд, прыжок, упал и в сторону. Откатился, притих. Воронка – счастье. Тело убитого – прости, браток. Ещё рывок. На вдохе – только бы добежать! Только бы... Вжми-майся лицом в грязь – иначе пуля достанет. Ничего, после отмоемся.

Пулемёты харкают пламенем, как бешеные псы. Повсюду свинец. Визжит рикошетом осколок – рядом рухнул товарищ.

"Твоя" пуля-смерть промахнулась, ударила в автомат? Поцелуй его и вспомни о боге. В бою не бывает атеистов.

До переднего бруствера полсотни шагов. Летит первая граната. Веер земли, вспышка. Ещё одна перебежка. И ещё.

Впереди чёрная каска. Нацеленное дуло. Злые глаза. Чеку – в зубы, гранату – вперёд. На! Получай!

Нож из-за голенища, автомат – в левую руку. Очередь в чью-то оскаленную харю. Нож в чёрную спину. Ещё разок всади – для верности. "Пригнись!" – очередь. "За мной!" – удар ножом. "Граната!" – вспышка в блиндаже.

Очередь – нож – граната. Очередь – нож... Месиво. Мясорубка.

Полчаса перекур. Сложить в воронку своих – хоронить будем после. Собрать оружие, перезарядиться.

По цепочке бежит весть: "Дальше не пойдём! Дальше не пойдём! Дальше... нет... не пойдём!" Почему? Кто знает? Таков приказ. Заминировать мост и возвращаться.

Назад! Какое сладкое слово.

*

На ужин дали перловую кашу и по сто граммов за успешное выполнение боевого задания. Бойцы повеселели.

Камышин почистил ботинки, обмотки сполоснул в ручье, повесил сушиться. Рядом пристроил шинель. От шинели потянуло кислым, глубоко въевшимся в сукно потом. У костра курили товарищи. Камышин подсел, протянул к огню руки. Невесть откуда возникла флажка спирта. Приняли ещё по глотку. Начались байки – обязательные спутницы костра. "А он побледнел весь, трясётся и лопочет: магазин! Дай мне магазин! Хех! И брюквой от него несёт пареной!" "Да ладно! Сам исподники запачкал, когда рядом ухнуло!" "А у меня автомат заклинило, так я прикладом. По кумполу, его! По кумполу. Гляжу – затих, только ногой дрыгает". "Добивать надо, – выскажется обязательный резонёр. – Это беспрременно". "А умело мы их умыли!" "Умело? А сколь они нас умывают?" "И Левченко жаль. Хороший был солдат. Очередью срезало, ровно поперёк груди". "Всех погибших жаль".

Глаза слипались немилосердно. Уже сквозь сон Камышин увидел, как рядом подсаживается старшина Полесников. Шепчет на ухо: "Сам командиру скажешь? Или мне доложить?"

Сон моментально слетает, в голове становится пусто: "Он видел!"

– Доложить что? Ты о чем?

– Как ты Рябина... того.

*

– Забижал он вас? Или повздорили? – Клим Петрович говорил, опустив голову. Не мог заставить себя поднять глаза на Камышина. – Он у нас драчливый. Пашка-то. Ершистый. Был.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.